

P01 285683

1805B

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ.

ЛѢСНЫЯ БЫЛИ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1285683

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.
МСМХІІІ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ И. Ф. НЕКРАСОВА, ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

ЛѢСНЫЯ БЫЛИ.

ДѢВИЧЬЯ.

I.

Вы, бѣлила-румяна мои,
Дорогія, новокупленные,

На меду-винѣ развоженные,
На бѣло лицо положенныя,

Разгоритесь зарецвѣтомъ на щекахъ,
Алымъ макомъ на дѣвическихъ устахъ,

Чтобъ пригоже меня, краше не было,
Супротивницамъ-подруженькамъ на зло.

Ужъ я выйду на широкую гульбу—
Про свою людямъ повѣдаю судьбу:

„Вы не зарьтесъ на жаръ-полымя румянъ,
Не глядите на парчевый сарафанъ.

Скоро дѣвушку въ полонъ заполнить
Во пустынь тихозвонный, бѣлый скитъ“.

Скатной ягодѣ не скрытсѣя при пути,—
Отъ любви дѣвкѣ сердца не спасти.

II.

Западите-ка, дѣвичьи тропины,
 Замуравьтесь травой-лебедой,—
 Молоденькѣ зеленой не топтати
 Макастовымъ краснымъ сапожкомъ.

Приубавила гульбища-воленья
 Отъ зазнобушки грамотка-письмо;
 Я по зорькѣ скорописчату читала,
 До полуночи въ думушку брала.

Пишетъ дѣвушкѣ смертное прощенье
 Съ Ерусланова, милый, городка,—
 На поминку шлетъ скатное колечко,
 На кручинушку бѣль-гербовый листь.

Я ложила колечко въ изголовье,—
 Золотое локою не даетъ.
 Съ ранней пташкою дѣвка пробудилась—
 Распрощалася съ матерью, отцомъ.

Обряжалася черною монашкой,
 Разставалась съ пригожествомъ-красой...
 Замуравьется, дѣвичьи тропины,
 Смольнымъ ельникомъ, частою лозой.

ПЛЯСЕЯ.

(ДѢВКА-ЗАПѢВАЛО):

Я вечеръ, млада, во пиру была,
 Хмеленъ медъ пила, сахаръ кушала;
 Во хмелю, млада, похвалялася
 Не житьемъ-бытьемъ—красной удалю.

Не сосна въ бору дрожмя-дрогнула,
 Топоромъ-пилой насмерть ранена,
 Не изъ невода рыба шалая,
 Извиваючись, въ омутъ просится,—

Это я пошла въ пляску походомъ:
 Гости-бражники рты разинули,
 Домовой завылъ—крякнулъ подъ поломъ,
 На запечы котъ искры выбрызнулъ:

Вотъ я---
 Плясея—
 Вихорь, прахъ летучій,
 Сарафанъ—
 Синь-туманъ,
 Косы—боръ дремучій!

Плясъ—громъ,
 Буреломъ,
 Лѣшева погудка,
 Подъ косою—
 Луговой
 Цвѣтикъ незабудка!

(Парень-припѣвало):

Ой, пляска приворотная,
 Любовь—краса залетная,
 Чѣмъ вчужѣ вами маяться,
 На плахѣ бѣлолиповой
 Срубить бы легче голову!

Не уголь жожеть мнѣ пазуху,
 Не воскъ—утроба топится,
 О камень—тѣло жаркое,
 На плясъ—красу орлиную
 Разбойный ножикъ точится!

ПОЛЮБОВНАЯ.

На калиновомъ кусту
Сладки ягоды въ росту,
Онѣ зрѣютъ, половѣютъ
На заманку-щипоту.

Затрудила щипота
Отъ калинова моста,
Отъ накладины тесовой,
Молодецка долота.

Малецъ кладочку долбилъ,
Долотѣшко притупилъ,
На точило дѣвку милу
Ненарокомъ залучилъ.

Я не вѣдала про то —
Въ моготу ли долото,
Зарудѣло, заалѣло
Камень—тѣло молодо...

У малинова куста
Нѣту плоднаго листа,
Ахъ, въ утробѣ по зазнобѣ
Зрѣетъ ягода густа.

На рѣкѣ калиновъ мостъ
Въ снѣжный кутается холстъ,---
Дѣвкѣ торный, незазорный
Первопутьокъ на погостъ.

На погостѣ милъ дружокъ
Стружить гробикъ-теремокъ...
Бѣлый саванъ, сизый ладонъ—
Свѣтлый дѣвичій зарокъ.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Какъ у нашего двора
Есть укатана гора,

Ахъ, укатана, увалена,
Водою полита.

Принаскучило молодой
Шить серебряной иглой,—

Я со лавочки всталá,
Сѣрой уткой поплыла,

По за-сѣнцамъ—лебедкомъ,
Подъ крылечико—бѣгомъ.

Ахъ, не вѣдала млада,
Что гора—моя бѣда,

Что козловый башмачекъ
По раскату—не ходокъ!

Я и этакъ, я и такъ,—
Упирается башмакъ.

На ту пору паренекъ
Подаль дѣвушкѣ платокъ.

Я бахромчатъ платъ брала,
Парню славу воздала:

„Ты откуль изволишь быть,
Чѣмъ тебя благодарить:

Золотою ли казной,
Али пьяною гостьбой?“

Раскудрявичъ мнѣ въ отвѣтъ:
„Я по волости сосѣдъ;

Приурочилъ для тебя
Платъ и вихоря-коня,

Сани лаковыя,
Губы маковыя“.

СВАДЕБНАЯ.

Ты, судинушка — чужая сторона,
Что свекровьими попреками красна,

Стань-ка городомъ, дорогой столбовой,
Краснорядною торговой слободой!

Было бѣ друженькѣ гдѣ волю волевать,
Въ сарафанѣ-разгулянѣ щеголять,

Краснорядцевъ съ ума-разума сводить,
Развеселой слобожанкою прослыть,

Перемочь невыносимую тоску —
Подариться нелюбиму муженьку!

Мужъ повышпилить булабочки съ косы,
Не помилуетъ дѣвической красы,

Сгонить съ облика бѣлила и сурьму,
Не обрядить въ расписную бахромѣ.

Станетъ друженька преклонливѣй травы,
Не услышитъ человѣческой молвы,

Только благовѣсть учуетъ по утру,
Перехожую волынку въ вечеру.

БАБЬЯ ПѢСНЯ.

Страховито дерезинкѣ подѣ грозой стояти,
 Замурудные волосья по вѣтру трепати,
 Таково ли молоденькѣ за неладнымъ мужемъ,
 Какъ за ворономъ касаткѣ, годы коротати.

Надоумилося птахѣ перышки оправить,—
 Молодешенькѣ у мужа слѣси приубавить,
 Я рядилася въ уборы—въ дорогую кикю,
 Еще въ алу косоpletку—по любезну память,

Улещала муженечка въ роцу погуляти,
 На заманку посулила княземъ величати.
 Улучала молоденька времени маленько,—
 Привязала лиходѣя ко дремучей ели.

Я гуляла-пировала круглую недѣлю
 Съ кудреватымъ, вороватымъ, съ головой
разбойной.

По разлукѣ, по гостибью разума хватилась,
 Заставала душу въ тѣлѣ—муженька у ели:

„Еще станеш ли, негодный, любу веселити“?

— Ой, сударыня-жена, буду забавляти!

„Еще станеш ли, негодный, на гульбу возити“?

— Ой, боярыня-жена, буду на пѣганкѣ!

„Ахъ, пѣгана у цыгана, сани на базарѣ,
Крутобокое сѣдельце у дружка въ промѣнѣ,
Погонялочка съ уздицей—въ кабацѣ на спицѣ.

СТАРУХА.

Сынъ обижаетъ, невѣстка не слушаетъ,
 Хлѣбнымъ кускомъ да бездѣльемъ коритъ;
 Чую—на кладбищѣ колоколъ ухаесть,
 Ладаномъ тянетъ отъ вешнихъ ракиць.

Вышла я въ поле, сѣдая, горбатая,—
 Нива безъ прясла, кругомъ сирота...
 Свѣсила верба сережки мохнатыя,
 Меда душистѣй, бѣлѣе холста.

Верба-невѣста, молодка пригожая,
 Зеленью-платомъ не засти зари;
 Аль съ алоцвѣтной красою не схожа я—
 Косы желтѣе, чѣмъ бусъ янтари.

Аль сарафанъ съ расписной оторочкою,
 Бѣлый рукавъ и плясунъ-башмачекъ...
 Хворымъ младенчикомъ, всхлипнувъ надъ
кочкою,
 Звонъ оголосилъ пролѣсокъ и логъ.

Схожа я съ мшистой, заплаканной ивою,
Мнѣ ли крутиться въ янтарь-бахрому?
Зой-невидимка узывнѣй, дремливѣе,
Бѣлыя вербы въ кадильномъ дыму.

ЛѢСНАЯ.

Я пришелъ къ тебѣ, сырѣ-дремучій боръ,
Изъ-за быстрыхъ рѣкъ, изъ-за дальнихъ горъ,
Чтобъ у ногъ твоихъ, витязь-схимнице,
Подышать лѣсной древней силищей.

Ты прости, отецъ, сына ницаго,
Пѣсню-золото расточившаго!
Не кудрявичемъ подъ гуслирный звонъ
Въ зеленъ теремъ твой постучался онъ.

Богатырь душой, пѣвникъ розмысломъ,
Раздружился я съ древнимъ обликомъ,
Промѣнялъ парчу на сермяжину,
Кудри-вихори на плѣшь-лысину.

Поклонюсь тебѣ, государь, душой—
Укажи тропу въ зеленъ теремъ свой!
Тамъ, двѣнадцать въ рядъ, братьевья сидятъ—
Самоцвѣтнѣй зорь боевой нарядъ...

Раскажу я имъ, баснословъ-баянъ,
Что въ родныхъ степяхъ порѣдѣлъ туманъ,
Что сокрылися гады, филины,
Супротивники пересилены,

Что крещеный людъ на завалинахъ,
Словно вешній цвѣтъ на прогалинахъ...

Ахъ, не въ руку сонъ! Сѣдовласый боръ
Чуда-терема сторожитъ затворъ:
На сѣдыхъ щекахъ слезовая смоль,
Межъ бровей-трусобъ вѣщей думы боль.

ДОСЮЛЬНАЯ.

Не по зелено бархату,
Не по рытому, черевчату,
Золото кольцо катается,
Краснымъ жаромъ расплывается,—
По брусяной новой горницѣ,
По накатной половичинѣ,
Разудалый ходитъ походомъ,
Голосить слова ретивыя:

Ахъ, брусяныя хоромы,
Въ васъ кому ли жировати,
Красоватися кому?
Угодити мнѣ изъ горницъ,
Съ бѣлоструганныхъ половицъ,
Въ порубъ—лютую тюрьму!

Ахъ, вы сукна-заволоки,
Вами сосны ли крутити,
Обряжать пути-мосты?
Побраталися съ дѣтиной
Лыки съ бѣлою рядниной,—
Поминальные холсты!

Ахъ, ты, садъ зеленотемный,
 Не заманивай соловкой,
 Духомъ-брагой не пои:
 У тебя есть гость захожій,
 Подъ лозой лежитъ пригожій,
 Съ мѣткимъ ножикомъ въ груди!..

Ой, не въ колоколъ ударили,
 Не валунъ съ нагорья ринули,
 Подломивъ ковыль съ душицею,
 На отшибѣ ранивъ осокорь,—
 Повели удала волостью,
 За острожный тынъ, какъ ворога,
 До него зенитной птахою
 Долетаетъ причетъ дѣвичій:

Ой, не полымя въ бору
 Польшааетъ ало—
 Голошу—утробой мру
 По тебѣ, удалый.

У перильчата крыльца
 Яровая мята
 Залучила жеребца,
 Друга-супостата.

Скауну въ сыромъ лугу
Мята съ звѣробоемъ,
Супротивнику-врагу
Ножикъ въ ретивое.

Свянетъ мятная трава,
Цвѣтъ на бересклетѣ...
Не молодка, не вдова—
Я одна на свѣтѣ.

Заторится стежка-вьюнъ
До дѣвичьей хаты,
И не вытопчетъ скаунъ
У крылечка мяты.

ОСТРОЖНАЯ.

На припекѣ цвѣтикъ алый
Обезлиствѣлъ и поблекъ,—
Свѣтъ-дѣтина разудалый
Отъ зазнобушки далекъ.

Онъ взвился бы буйной птицей,—
Цѣпи-вороги крѣпки,
Изъ темницы до свѣтлицы
Перевалы велики:

Призапала къ милой стежка,
Буреломомъ залегла.
За окованнымъ окошкомъ—
Колокольная игла.

Все дозоры да запоры,
Казематъ—глухой капканъ...
Гдѣ вы, косы—темны бѣры,
Заряница—сарафанъ?

Въ бѣлоструганной свѣтелкѣ
Кто призарился на васъ,
На фату хрущата шелка,
На узорный канифасъ?

Заручился кто отъ любви
Скатнымъ клятвеннымъ кольцомъ:
Волосъ—гадъ, малина—губы,
Въ цвѣтъ черемухи лицомъ?..

Захолонула утроба,
Кровь, какъ цѣпи, тяжела...
Помяни душа-зазноба
Друга—сизаго орла!

Безъ ножа ему неволя
Кольца срѣзала кудрей,
Чтобъ раздольнѣй стало поле,
Пѣсня-вихорь удалѣй.

Чтобъ напѣва вѣТРОВОВА
Не забылъ крещеный край...
Не шуми ты, мать-дуброва,
Думу думать не мѣшай!

СЛОБОДСКАЯ.

Какъ во нашей ли деревнѣ—
Въ развеселой слободѣ,
Былъ дѣтина, какъ малина,
Тонкоплечъ и чернобровъ;

Онъ головушкой покорень,
Сердцемъ-полымемъ ретивъ,
Дозволенья ожениться
У родителя просилъ.

На кручинное моленье
Не отвѣтствовалъ отецъ,—
Тѣмъ на утреннемъ пролетѣ
Сиза голубя сгубилъ:

У студенаго поморья,
На пустынномъ берегу,
Сынъ подъ елью въ темной кельѣ
Поселился навсегда.

Иногда изъ кельи строгой
На уклонъ выходитъ онъ
Поглядѣть, какъ стелеть море
По набережью туманъ,

Какъ плывутъ надъ моремъ тучи,
Волны буйныя шумятъ,
О любви, о кручинѣ,
О разлукѣ говорятъ.

КАБАЦКАЯ.

Летѣлъ орелъ за тучею,
Въ догонку за гремучею,
Онъ воздуха разрѣживалъ,
А тучъ не опереживалъ.

Упалъ орелъ на застрѣху
Кружала затрапезнаго,
Повыглядѣлъ въ оконницу
Становище кабацкое.

Онъ въ плясъ пошелъ—завихрился,
Обжегъ метельнымъ холодомъ,
Нахвальщиковъ-кудрявичей
Притулилъ на залавицы...

Ой, яра кровь орлиная,
Повадка—поступь гульная,
Да чарка злая, винная,
Что пѣсенка досюльная,
Не мимо канетъ-молвится.

Глянь, пьяница-пропойщина,
Мірская краснобайщина,
Тебѣ ль попарщикъ сизъ орелъ,
Что съ громомъ силой мѣрялся,
Съ крыла дожди отряхивалъ,
Съ звѣницъ стожары-сплохи,

Анъ онъ, за красоулею
Погнавшись, сталъ вороною,
Каркуньей зачумленною.

А и все-то она, ворона, граетъ,
На весь свѣтъ растопорха пеняетъ:
„Извели меня вороги-люди,
Опризорили зависть да лихо,
Разлучили съ невѣстой-звѣздой,
Подружили съ вороньею жирой,
Съ зачумленною, пьяною долей!“

ПОСАДСКАЯ.

Не шуми, трава шелкова,
Бѣлъ-призорникъ, зарецвѣтъ,
Вышиваю для милова
Левантиновый кisetъ.

Я по алу левантину
Росписной разброшу стегъ,
Вышью Гору Соколину,
Бѣлокаменный острогъ.

Неба ясные упеки
Наведу на уголки,
Бирюзой занижу рѣки,
Съ Бѣломорьемъ — Соловки.

Оторочку на кisetъ
Литерами обовью:
„Люди съ титлою“, „Мыслете“,
Объявилось: „Люблю“.

Ахъ, не даромъ на посадѣ
Грамотѣй я слыву..,
Зеленъ-вѣтеръ въ палисадѣ
Всколыхнулъ призоръ-траву.

Не клонись, вѣщунья-травка,
Безъ тебя вдомекъ уму:
Я—посадская чернавка,
Милъ жируетъ въ терему.

У милого кунья шуба,
Гоголиной масти конь,
У меня—сахарны губы,
Косы чалыя въ ладонь.

Не окупить милъ любви
Четвертиной серебра...
Заревѣйте на обновѣ
Расписные литера!

Дорогъ камень бирюзовый,
Въ стегъ мудреный заплетись,
Ты, муравонька шелкова,
Самобранкой разстелись.

Не завихрился бы въ полѣ
Подкопытный прахъ столбомъ,
Какъ проскачетъ конь гоголій
Съ зарноокимъ сѣдокомъ.

РЕКРУТСКАЯ.

Недозрѣлую калинушку
 Не ломають и не рвутъ,—
 Недорощена дѣтинушку
 Во солдаты не берутъ.

Придорожну скатну ягоду
 Топчутъ конникъ, пѣшеходъ,—
 По двадцатой красной осени
 Парня гонять во походъ.

Раскудрявьтесь, кудри-вихори,
 Брови—черные стрижи,
 Ты, размыкушка-гармоника,
 Про судину Расскажи:

Во незнаемой сторонущкѣ
 Красовита ли гульба?
 По страдѣ свѣжить ли прохолодь,
 Въ стужу грѣтъ ли изба?

Ёсть ли улица расхожая,
Дёвка-зорька, маковъ цвётъ,
Али ночка непогожая
Ко сударкѣ заститъ слѣдъ?

Ахъ, размыкушкѣ-гармоникѣ
Поиграть не дологъ срокъ!.
Придорожную калинушку
Топчуть пѣшій и ѳздокъ.

ОСИНУШКА.

Ахъ, кому судьбинушка
Ворожитъ бѣду:
Горькая осинушка
Ронитъ листь-руду.

Полынемъ разубрана,
Вся краснымъ-красна,
Можетъ быть, подрублена
Топоромъ она.

Можетъ, червоточина
Гложетъ сердце ей,
Черная проточина
Въѣлась межъ корней.

Облака по просини
Крутятся въ кольцо.
Отъ судины-осени
Вянетъ деревцо.

Ой, заря-осинушка,
Златоцвѣтный летъ,
У тебя дѣтинушка
Разума займетъ!

Чтобы сны стожарные
Въ явь оборотить,
Думы—листья зарные
По вѣтру пустить.

РЫБАЧЬЯ.

Какъ по рѣченькѣ-рѣкѣ
Въ острогрудомъ челнокѣ,

Гдѣ падунъ-водоворотъ,
Удалой рыбакъ плыветъ.

У него приманно русь
Закудрявленъ лихо усъ,

Парусъ-облако, весло—
Лебединое крыло.

Подмережникъ—жемчуга,
Во мережѣ два сига,

Изъ сигашины одинъ—
Рыбаку заочный сынъ.

Въ прибережной осокѣ,
Въ лютой немочи-тоскѣ

Заломила руки мать.
Широка рѣчная гладь;

Желтой мели полоса,
Словно дѣвичья коса,

Заревые янтари—
Жаръ-монисто на груди.

Съ рыболовомъ, крутобокъ,
Бороздитъ янтарь челнокъ.

Глуби рошцуть: такъ иль сякъ—
Будешь ты на днѣ, рыбакъ.

ПОВОЛЖСКИЙ СКАЗЪ.

Собиралися въ ночнину,
 Становились въ тѣсный кругъ:
 „Кто старшой, кому по чину
 Повести за стругомъ—стругъ?“

Есть Иванко Шестипалый,
 Васька Красный, Кудеяръ,
 Заугольшъ, Рямза, Чалый,
 И Размыкушка-гусярь.

Стать не гоже Кудеяру,
 Рямзѣ съ Васькой-яруномъ!
 Порѣшили: быть Гусяру
 Струговодитомъ-большакомъ!

Онъ доселѣ тѣшилъ братьовъ,
 Не застаивалъ вѣтрилъ,
 Сызрань, Астрахань, Саратовъ
 Въ небо полымемъ пустилъ“.

Въ япанчу, поверхъ кольчуги,
Оболокъ Размыка станъ
И повелъ лихіе струги
На слободку—Ерусланъ.

Плыли долго аль коротко,
Обогнули Жигули,
Еруслановой слободки
Не видали—не нашли.

Закручинились орлята:
Навожденье чѣмъ избыть?
— Отступною данью-платой
Волгѣ гусли подарить...

Воротилися въ станица,
Что ни стругъ, то сирота,
Буруны разѣли днища,
Червоточина — борта.

Объявилась горечь въ брагѣ.
Привелось, хоть тяжело,
Понести лихой ватагѣ
Черносошное тягло.

И доселѣ по Поволжью
Живы слухи: въ ледоходѣ
Самогуды звучной дрожью
Оглашаютъ глуби водъ.

Кто провѣдаетъ—учуетъ
Половодный, вѣщій сказъ,
Тотъ навѣки зажалкуетъ,
Не сведетъ съ пучины глазъ.

Для того туманъ порѣчий—
Стружный парусъ, гулъ валовъ—
Перекатный рокотъ сѣчи,
Удалой, повольный зовъ.

Дрожь осоки—шопоть жаркій,
Огневая вспышка струй—
Зарноокой полонянки
Приворотный поцѣлуй.

СИЗЫЙ ГОЛУБЬ.

Сизый голубь ворковалъ,
 Подъ оконце прилеталъ;
 Онъ развѣдалъ, распозналъ,
 Что въ свѣтлицѣ говорятъ.
 Ухитряютъ во свѣтлицѣ
 Сиза въ клѣтку залучить,
 Чтобы съ голубемъ дѣвицѣ
 Красоту-любовь дѣлить,
 Обряжатся-крутятся
 Въ алый кемрикъ, въ скатну нить.
 Буйноперый подъ окномъ
 Обернулся паренькомъ,—
 Очи—ночка, день—лицо...
 Хлипко дѣвичье крыльцо,
 Тесовая дверь бѣла,
 Клѣтка-горенка мала,
 На лежанкѣ пуховикъ—
 Запрокинуть дѣвій ликъ,
 Съ перелету на груди
 Птичьимъ пыломъ изойти.

А. ГОРОДЕЦКОЙ.

Прохожу ночной деревней,
Въ темныхъ избахъ нѣтъ огня,
Явью сказочною, древней
Потянуло на меня.

Въ настоящемъ разувѣрясь,
Стародавнихъ полонъ силъ,
Распахнулъ я лихо фѣрязь,
Шапку-соболь заломилъ.

Свистнулъ, хлопнулъ у дороги
Въ удаleckую ладонь,
И, какъ вихорь, звонконогій
Подо мною взвился конь.

Прискакалъ. Дубровнымъ звѣремъ
Конь храпять, копытомъ бьетъ;—
Предо мной узорный теремъ,
Нѣтъ дозора у воротъ.

Привязалъ гнѣдого къ тыну;
Будеть лихо, али прокъ,—
Поясъ шелковый закину
На точеный шелонокъ.

Скрипнетъ крашенная ставня...
„Что, разлапушка, — не спишь?
Не спроста повѣсу-парня
Знають Кама и Иртышъ!

Наши хаживали струги
До Хвалынщины подчасъ:—
Не изсякнутъ у подруги
Бирюза и канифасъ“ ...

Обвила руками шею,
Косы-тучи, темный боръ...
Изумрудно заревѣя,
Прояснился кругозоръ: —

Порудѣлыя избенки,
Рѣчка въ утреннемъ дыму.
Гусли-морокъ, всхлипнувъ звонко,
Искрой канули во тьму.

Но въ душѣ, какъ хмель, струится
Въщихъ звуковъ серебро—
Отлетѣвшей жаро-птицы
Самоцвѣтное перо.

Въ просинь водъ заглядѣлися ивы,
 Словно въ зеркальцо дѣвка-краса.
 Убѣгають дороги извивы,
 Перелѣсковъ, лѣсовъ пояса.

На деревнѣ грачиные граи,
 Бродитъ сонъ, волокнится дымокъ;
 У плотины, гдѣ мшистыя сваи,
 Нижегъ скатную зернь Солнцеpekъ—

— Водяницѣ стожарную кикю:
 Самоцвѣтъ, зарянецъ, камень-зель.
 Стародавнему вѣренъ навыку,
 Прихожу на порѣчную мель.

Кличу дѣвушку съ руссѣй косою,
 Съ зыбкимъ голосомъ, съ вишеньемъ щекъ,
 Ивы шепчутъ: „сегодня съ красою
 Помѣнялся кольцомъ Солнцеpekъ.

Подарилъ ее зарною кикой,
Заглубилъ въ рѣчномъ терему“...
Съ рощи тянетъ смолой, земляникой,
Даль и воды въ лазурномъ дыму.

Пѣвучей думой обуянъ
Дремлю подъ жесткою дерюгой.
Я—королевичъ Ерусланъ
Въ пути за плѣнницей-подругой.

Мой конь подъ алымъ чепракомъ,
На мнѣ серебряныя латы...
А мать жужжитъ веретеномъ
Въ лучѣ осенняго заката.

Смежаютъ сумерки глаза,
На лихо жалуется прялка...
Дымится омутъ, спитъ лоза,
Въ осокѣ дѣвушка-русалка.

Она поетъ, манитъ на дно
Отъ нѣги яраго избытка...
Замри, судьбы веретено,
Порвись, тоскующая нитка!

Дымно и тѣсно въ избѣ,
 Сумерки застытъ оконце,
 Вѣрь, не напрасно тебѣ
 Грезятся небо и солнце.

Пряжи слезой не мочи,
 Съ зимкой изсякнетъ куделя...
 Котъ, задремавъ на печи,
 Скажетъ намъ сказку про Леля.

„На морѣ островъ Буянъ,
 Теремъ Похитчика-Змѣя“...
 Въ полѣ рѣдѣетъ туманъ,
 Боръ зашентался, синѣя.

„Ѣдетъ ко терему Лель,
 Мечъ-кладенецъ наготовѣ“...
 Стукнулъ въ оконце Апрѣль —
 Вѣстникъ побѣдной любви.

СКАЗКЪ.

Ветхая ставень рѣзба,
Кровли узорный конекъ.
Тебѣ, моя сказка, судьба
Войти въ теремокъ.

Счастья—Царевны глаза
Тамъ цвѣтутъ въ тишинѣ,
И плѣнныхъ небесъ бирюза
Томится въ окнѣ.

По зимѣ въ теремокъ прибреду
Про свои повѣдать вины,
И глухую старуху найду
Вмѣсто синей звенящей весны.

Не весела нынче весна,
Въ поляхъ безголосье и дрема,
Дымится, отъ ливней черна,
На крышахъ избенокъ солома.

Окутала сизая муть
Рѣку и на отмели лодку.
Какъ узника, тянетъ взглянуть
За пасмурныхъ облакъ рѣшетку.

Душа по лазури груститъ,
По ладону ландышей, кашекъ.
Въ лиловыхъ потемкахъ ракичь
Не чуется щебета пташекъ.

Ужель обманула зима,
И сны, что про солнце шептали?
Плывутъ облаковъ терема
Въ рябья, потускляя дали.

Я молился бы лику заката,
Темной роцѣ, туману, ручьямъ,
Да тяжелая дверь каземата
Не пускаетъ къ родимымъ полямъ.

Наглядѣться бѣ на бора опушку,
Листопадомъ, смолой подышать,
Постучаться въ лѣсную избушку,
Гдѣ за пряжею старится мать...

Не она ли за прясломъ рѣшетки
Вѣтровую свирѣлю поетъ...
Вечеръ нижетъ янтарныя четки,
Краситъ золотомъ треснувшій сводъ.

Косогоры, низины, болота,
Надъ болотами ржавая марь.
Осыпается рощъ позолота,
Въ блѣдномъ воздухѣ ладана гарь.

На прогалинѣ теплятся свѣчи,
Озаря узорчатый гробъ,
Бездыханная дѣвичьи плечи,
И молитвенный, съ вѣнчикомъ, лобъ.

Осень—съ блѣднымъ челомъ инокиня
Надъ покойницей править обрядъ.
Даль мутна, рѣчка призрачно синя,
Въ рощѣ дятлы зловѣще стучатъ.

Мнѣ сказали, что ты умерла
Заодно съ золотымъ листопадомъ,
И теперь, лучезарно свѣтла,
Правишь горнимъ, невѣдомымъ градомъ.

Я нездѣшнимъ забыться готовъ,
Ты всегда баснословной казалась,
И багрянцемъ осеннихъ листовъ
Не однажды со мной любовалась.

Говорятъ, что не стало тебя,
Но любви изсякаемы ль струи:
Развѣ вѣтеръ—не ласка твоя,
И лучи—не твои поцѣлуи?

Чу! Перекатный стукъ на гумнахъ,
Онъ по зарѣ звучитъ, какъ рогъ.
Отъ бѣдъ, отъ козней полоумныхъ
Мой вѣщій духъ не изнемогъ.

Я все такой же, какъ въ столѣтьяхъ,
Широкогрудый удалецъ...
Знать, къ солнцепеку на повѣтяхъ
Рудѣтъ утренній багрець.

Отъ гуменъ тянетъ роснымъ медомъ,
Дробь молотбы—могучій рогъ.
Насъ подарилъ обильнымъ годомъ
Сребробородый, древній Богъ.

Я—мраморный ангелъ на старомъ погостѣ,
Гдѣ схимницы-ели да никлый плакунъ,
Крыломъ осѣняю трухлявыя кости,
Подножья обвѣтренный, ржавый чугунокъ;
Въ рукѣ моей лира, и бранные гости
Уснули подъ отзвуки каменныхъ струнъ.

И многіе годы, судьбы непреклоннѣй,
Блюду я забвеніе, сны и гроба.
Поэзіи символъ — мой гимнъ легкозвоннѣй,
Чѣмъ осенью травъ золотая мольба...
Но бдите и бойтесь! Въ изваянномъ лонѣ,
Какъ буря въ ущельи, таится труба!

Снова повѣрилось въ дали свободныя,
 Въ жизнь, какъ въ лазурный, безгорестный
 путь.

Помнишь ракиты сѣдыя, надводныя,
 Вздохи тумановъ, безмолвія жуть?

Ты повторяла: „туманъ—настоящее,
 Холоденъ, хмуръ и зловѣще глубокъ,
 Сердцу пророчить забвенью цѣлящее
 Въ зелени ивъ пожелтѣвшій листокъ“.

Явью безбольною стало пророчество:
 Просишь небесъ, и снѣга за окномъ.
 Въ хижинѣ тихо. Покой, одиночество—
 Вѣютъ нагорнымъ, свѣжительнымъ сномъ.

Набухъ, оттаялъ ледъ на рѣчкѣ,
Сталъ пѣгимъ, ржаво-золотымъ,
Въ кустахъ затеплилися свѣчки,
И засинѣлъ кадильный дымъ.

Березки—блѣдныя бѣлички,
Потупясь, выстроились въ рядъ.
Я голоску веснянки-птички,
Какъ материнской ласкѣ, радъ.

Природы радостный причастникъ,
На облака молюся я,
На мнѣ иноческій подрясникъ
И монастырская скуфья.

Обѣту строгому не вѣренъ,
Ушелъ я въ поле къ лознякамъ,
Чтобъ поглядѣть, какъ мѣръ безмѣренъ,
Какъ лучъ скользить по облакамъ.

Какъ пробудившіяся рѣчки
Бурлятъ на талыхъ валунахъ,
И невидимка теплитъ свѣчки
Въ нагихъ, дымящихся кустахъ.

Я борозду за бороздою
Тяжелымъ плугомъ провожу
И съ полуночною звѣздою
Въ оврагъ молиться ужоу.

Я не кладу земныхъ поклоновъ,
И не сплетаю рукъ крестомъ,—
Склоняюсь подъ сумрачною елью,
Горю невидимымъ огнемъ.

И чѣмъ смертельнѣй лютый пламень,
Тѣмъ полногласнѣй въ вышинѣ
Рыдаютъ ангельскія трубы
О незакатномъ, райскомъ днѣ.

Но чуть заря, для трудной нови
Я покидаю дымный логъ,—
Въ рукѣ цвѣтокъ алѣе крови—
Нездѣшной радости залогъ.

ЛѢСНАЯ БЫЛЬ.

Въ красовитый лѣтній праздничекъ,
 На раскатъ-широкой улицѣ,
 Будетъ гульное гулянье —
 Пиръ—мірское столованье.
 Какъ у дѣвушекъ-согрѣвушекъ
 Будутъ поднизи плетеныя,
 Сарафаны золоченыя.
 У дородныхъ добрыхъ молодцевъ,—
 Мигачей и залихватчиковъ,
 Перелетныхъ зоркихъ кречетовъ,
 Будутъ шапки съ кистью до уха,
 Опояски соловецкія,
 Изъ семи шелковъ плетеныя.
 Только я, млада, на гульбище
 Выйду въ старо-старомъ рубищѣ,
 Нищимъ, лыкомъ опоясана...
 Сгомонятся красны дѣвушки—

Бѣлолицыя согрѣвушки,
Какъ отъ торопа повальнаго
Отшатятся на сторонушку.
Парни ражіе, удалые
За куветы встануть талые.
Притулятся на завалины
Старики, ребята малые—
Диво-дивное увидючи,
Промежду себя толкуючи:
Чья здѣсь вѣдьма захудалая
Ходить, въ землю носомъ клюючи?
Ужъ не горе ли голодное,
Лихо злое, подколенное,
Забѣжало частой роцею,
Корбой темною, дремучею,—
Черезъ лягу—грязь топучую,
Во селенье домовитое,
На гулянье круговитое?
У насъ время не догуляно,
Зелено вино не допито,
Дѣвицы не доцѣлованы,
Молодцы не долюбованы,
Сладки пряники не съѣдены,
Серебрушки не домѣнены...

Туть я голосомъ, какъ молотомъ,
Выбью звоны колокольные:
Не дарите меня золотомъ,
Только слушайте, крещеные:
Миѣ не спалось ночью синею
Передъ Спасовой заутреней.
Вышла къ озеру по инею,
По росѣ медвяной, утренней.
Стала озеро выспрашивать,
Оно стало мнѣ рассказывать
Тайну тихую, поддонную
Про святую Русь крещеную.
Отъ озерной прибауточки,
Водяной потайной басенки,
Понабережье насупилось,
Пѣной-саваномъ окуталось.
Тучка сизая проплакала—
Зернью горькою прокапала,
Рыба въ заводяхъ повытухла,
На лугахъ трава повызябла...

Я повѣдаю на гульбищѣ
Праздничанамъ-залихватчикамъ,
Что мнѣ видѣлось въ озерышкѣ,
Во глуби на самомъ донышкѣ.
Изъ конца въ конецъ я видѣла

Царство бѣлое, кручинное,
Все столбами огорожено.

.
.
.

Оттого въ завѣтный праздничекъ,
На широкое гуляньице,
Выйду я, млада, непутною,
Встану вотдаль немогутною,
Какъ кручин¹ная кручинушка,
Та пугливая осинушка,
Что шумитъ-поетъ по осени
Пѣсню жалкую свирѣльную,
Ронитъ листья—слезы желтыя
На могилу безымянную.

Сергѣю Городецкому.

Безъ посоховъ, безъ злата
Мы двинулися въ путь;
Пустыня мглой объята,—
Намъ негдѣ отдохнуть.

Здѣсь войны погибли;
Лежать булатъ, щиты...
Предъ нами вѣчныхъ библій
Развернуты листы.

Въ божественныя строки,
Дрожа, вникаемъ мы,
Слагаемъ, одиноки,
Лазурные псалмы.

О, кто пойметъ, услышитъ,
Псалмовъ высокій ладъ?
А гдѣ-то росно дышитъ
Черемуховый садъ.

За створчатою рамою
 Малиновый платокъ,—
 Туда ведетъ насъ прямо
 Тысячелѣтній рокъ.

Пахнуло смольнымъ медомъ
 Съ березовыхъ лядинъ...
 Изъ насъ съ Садко—народомъ
 Не згинетъ ни одинъ.

У Садко—самогуды,
 Стозвонная молва;
 У насъ—стихи-причуды,
 Заморскія слова.

У Садко—цвѣтъ-призорникъ,
 Жаръ-птица, синь-туманъ;
 У насъ—плакунъ-терновникъ,
 И кровь гвоздинныхъ ранъ.

Пустыня на утратѣ,
 Пора исчислить путь,
 У Садко въ красной хатѣ
 Отъ странствій отдохнуть.

СВЯТАЯ БЫЛЬ.

Солетали ко мнѣ други-воины
Съ братолюбнымъ увѣтомъ да ласкою,
Приносили гостинцы небесные,
Воду, хлѣбъ, виноградье Адамово,
Благовѣстное вѣтвие раево.
Вопрошали меня гости-воины:
Ты отвѣтствуй, скажи, добрый молодецъ,
Отчего ты утробой кручинишься,
Какъ подъ вихоремъ ель, клонишь голову?
Износилось ли платье стожарное,
Загусѣлъ ли вѣнецъ зарнокованный,
Али звѣздные перстни осыпались,
Али райская пѣсня не ладится?
Я на спросъ огнекрылымъ отвѣтствовалъ:
Ай же, други—небесные витязи,
Мое платье—заря, вѣнецъ—радуга,

Перстни—звѣзды, а пѣсни, что вихори,
 Камню, травкѣ и звѣрю утѣшныя;
 А кручинюсь, сумлююсь я, друженьки,
 По землѣ святорусскія—матери:
 На нее вѣка я съ небесъ взиралъ,
 Къ ней звѣздой слетѣвъ, человѣкомъ сталъ;
 Двадцать бѣлыхъ зимъ, весенъ, осеней
 Я дышу земнымъ браннымъ воздухомъ,
 Вижу горъ алтарь, степь-кадильницу,
 Боръ—притинъ молитвъ, думъ убѣжище,—
 Всѣмъ по духу братъ, съ человѣками
 Разошелся я жизнью внутренней...

Святорусскій людъ темень разумомъ,
 Страшенъ косностью, лють обычаемъ;
 Онъ на зеленъ боръ топоры востритъ,
 Замурудъ степей губить польмемъ.
 Передъ сильнымъ—червь, онъ про слабаго
 За сивухи ковшъ яму выроетъ,
 Онъ на цвѣтъ полей тучей хмурится,
 На красу небесъ не оглянется...

Опустивъ мечи и скрестивъ крыла,
 Мой навѣтъ друзья чутко слушали.

Какъ весенній громъ на поля дохнетъ,
Какъ въ горахъ разсвѣтъ зоемъ скажется,
Такъ одинъ изъ нихъ взвѣялъ голосомъ:
Миръ и миръ тебѣ, одноотчій братъ,
Миръ устамъ твоимъ, слову каждому!
Мы къ твоимъ рѣчамъ приклонили слухъ,
И дадимъ отвѣтъ по разумію.
Тутъ взмахнулъ мечомъ свѣтозарный гость,
Разсѣкалъ мою клѣтъ тѣлесную,
Выпускалъ меня, словно голубя,
Подъ зенитный кругъ, въ Божьи воздухи;
И открылось мнѣ: Глубина Глубинъ,
Незакатный Свѣтъ, только Свѣтъ одинъ!
Только громы кругомъ откликаются,
Только горъ алтари озаряются,
Только крылья кругомъ развѣваются!
И звучитъ надъ горами: Побѣда и Миръ!
Въ безконечности духа безсмертія пирь.

Простятся вамъ столѣтій иго,
И все, чѣмъ страшенъ казни часъ,
Вражда тупыхъ, и мудрыхъ книги,
Какъ змѣи жалящія насъ.

Придетъ пора, и будутъ сыты
Нездѣшной мудростью умы,
И надмогильныя ракиты
Зазеленѣютъ средь зимы.

ПѢСНЯ О СОКОЛѢ И О ТРЕХЪ
ПТИЦАХЪ БОЖИИХЪ.

Какъ по озеру бурливому,
По Онѣгушку шумливому,
На песокъ-луду намоиную,
На коряжину надводную,
Что ль на тотъ горючій камешекъ,—
Прибережный кремень муромскій,—
Птицы вѣщія слеталися,
Отъ тумановъ отряхалися.
Перва птица—Куропь снѣжная,
Друга—черная Габучина,
А какъ третья птица вѣщая—
Дребезда золотоперая.
Взговорила Куропь бѣлая
Человѣчьимъ звонкимъ голосомъ:
Ай же, птицы вы летучія,—

Дребезда и ты, Габучина,
Вы летѣли мимо острова,
Миновали море около,
А не видли ль змѣя пестраго,
Что ль того Лихого Сокола?
Отвѣчали птицы мудрыя:
Ай же, Куропь бѣлокрылая,
Божья птица неповинная,
У тебя ль перо Архангела,
Голосъ грома поднебснаго,—
Соколъ врагъ, змѣя суровая,
Та ли погань стоголовая,
Обрядился не на островѣ,
Схоронился не на ростани,
А нависъ погодной тучею,
Разметался гривой долгою,
Надо святъ-рѣкой текучею—
Крутобережную Волгою.
Отъ налета соколинаго,
Злого посвиста змѣинаго,
Волга рѣченька смутилася,
Въ сине море отшатилася...
Ой, не звоны колокольные
Никнуть къ земли, бродятъ около,—
Стонуть люди полоненные
Отъ налета злого Сокола.

И не пѣсня заунывная
 Надъ полями разливается,—
 То плакунъ-трава могильная
 Съ жалкимъ шорохомъ склоняется!..

Мы слетѣлись птицы умныя
 На совѣтъ, на думу крѣпкую,
 Со того ли саду райскаго—
 Съ кипариса-- Божья дерева.
 Мы удумаемъ по-птичьему,
 Сгломонимъ по-человѣчьему:
 Я— Габучина безгрѣшная,
 Птица темная, кромѣшная,
 Затуманю разумъ Соколу,
 Очи выключю у сѣраго,
 Чтобъ ни близъ себя, ни около
 Не узналъ онъ свѣта бѣлаго.
 Дребезда тутъ рѣчь сговорила:
 Я развѣю перья красныя
 На равнины святорусскія,
 Въ буруны озеръ опасныя,
 Что ль во тѣ ли рѣчки узкія.
 Гдѣ падетъ перо небесное,
 Тамъ слѣпыя стануть зрячими,
 Хромоногіе— ходячими,

Безъязыкіе—рѣчистыми,
 Темноумные—лучистыми.
 Гдѣ падеть перо кровавое,
 Тамъ сыра земля разступится,
 Море синее насупится,
 Вздыметъ волны надъ дубравою—
 Захлестнетъ Лихого Сокола,
 Его силищу неправую,
 Занесетъ кругомъ и около
 Глиной желтою, горшечною,
 И споетъ съ побѣдной славою
 Надъ могилой память вѣчную.
 Прибредетъ мужикъ на глинянникъ,
 Кирпича съ руды натяпаеть
 На печушку хлѣбопечную,
 На завалину запечную,
 Станетъ въ стужу полузимнюю
 Спину грѣть да приговаривать:
 Вотъ тѣ слава Соколиная—
 Ты безславьемъ опозорилась.
 Напослѣдокъ слово молвила
 Куропь-птица бѣлоперая:
 А какъ я,—росой вспоенная,
 Свѣтлымъ облакомъ вскормленная,—
 Возлечу въ обитель Божию,
 Къ Саваоову подножію,

Запою стихиру длинную,
Сладословную, умильную.
Ту стихиру во долинушкѣ
Молодой пастухъ дослушаетъ,
Свѣситъ голову дѣтинушка,
Подотретъ слезу рубахою,
И подъ дудочку свирѣльную
Сложитъ новую бывальщину.

Аминь.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Дѣвичья	5
Плясея	7
Полюбовная.	9
Красная горка.	11
Свадебная	13
Бабья пѣсня	15
Старуха	17
Лѣсная	19
Досюльная	21
Острожная	24
Слободская	26
Кабацкая.	28
Посадская	30
Рекрутская	33
Осинушка	35
Рыбачья	37
Поволжскій сказъ	39
Сизый голубь	42
Прохожу ночной деревней	43
Въ просинь водъ заглядѣлися ивы	46
Пѣвучей думой обуянъ	48
Дымно и тѣсно въ избѣ	49
Сказкѣ	50

	Стран
Не весела нынче весна	51
Я молился бы лику заката	52
Косогоры, низины, болота	53
Мнѣ сказали, что ты умерла	54
Чу! Перекатный стукъ на гумнахъ	55
Я—мраморный ангелъ на старомъ погостѣ	56
Снова повѣрилось въ дали свободныя	57
Набухъ, оттаялъ ледъ на рѣчкѣ,	58
Я борозду за бороздою	60
Лѣсная быль	61
Безъ посоховъ, безъ злата	65
Святая быль	67
Простятся вамъ столѣтій то	70
Пѣсня о соколѣ и о трехъ птицахъ Божіихъ	71

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА

Тверская, д. 29, кв. 46. Телефонъ 338—45.

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. I. Пер. съ франц. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Ц. 2 р. 50 к.

П. Моранъ. Павелъ I до восшествія на престолъ. Пер. съ франц. Н. Ширяевой. Цѣна 3 р.

Де Ремюза. Мемуары. Т. 1. Редакція и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Цѣна 2 р.

Шуазель-Гуффье. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Пер. съ франц. З. Миновичъ. Вступительная статья А. Кизеветтера. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. Круковская. Н. А. Морозовъ. Біографическій очеркъ Цѣна 40 коп.

А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Цѣна 50 коп.

В. Брусняинъ. Л. Андреевъ. Жизнь и творчество. Цѣна 50 к.

Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Цѣна 60 к.

Бекфордъ. „Ватекъ“. Арабская сказка. Пер. Бор. Зайцева. Вступительная статья „Бекфордъ, авторъ Ватекъ“ П. Муратова. Цѣна 80 к.

Ф. Кроммелинкъ. „Ваятель масокъ“. Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 50 коп.

Кристоферъ Марло. „Трагическая исторія доктора Фауста“. Пер. въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 80 коп.

Жераръ де Нерваль. Сильвія. Октавія. Изидя. Аврелія. Пер. съ франц. Е. С. Уреніусъ. Редакція и вступительная статья П. Муратова. Цѣна 1 руб.

Ф. М. Клигеръ. Жизнь, дѣянія и гибель Фауста. Пер. съ нѣм. Со вступ. статьей и примѣчаніями А. Лютера.

Новеллы Итальянскаго Возрожденія. Переводы и характеристики П. Муратова. *Томъ I. Часть I. Новеллисты Треченто:* „Новеллино“—„Цвѣточки св. Франциска Ассизскаго“—Боккаччіо—Франко Саккетти—Серкамби—Серъ Джованни. *Часть II. Новеллисты Кватроченто.* Новелла о Столярѣ—Св. Бернадинъ Сиенскій,—Илличини—Сермини—Мазуччіо—Корнаццано. Цѣна 2 р. 50 к.

Гуннаръ Гейбергъ. Собр. соч. Авторизованный переводъ съ норвежскаго Р. Тираспольской. Вступительная статья гр. Де-ла-Бартъ. Т. 1 и 2. Цѣна cadaго тома 1 р.

Рихардъ Демель. Собр. соч. Авторизованный переводъ съ дополненіями автора для русскаго изданія. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Т. 1-й. Автобіографія. Спутникъ человѣческой. Трагизмъ и драма. Т. 2-й. „Странички жизни“. Новеллы. Пер. съ нѣм. Л. Горбунсвой. Цѣна cadaго тома 1 р. 20 коп.

Г. Жулавскій. Собраніе сочиненій. Т. 1. „На серебряномъ шарѣ“. Ром. Пер. А. Зейлигеръ. Цѣна 1 р. 40 к.

Ж. Н. Гюисмансъ. Собраніе сочиненій. Т. I. „Тамъ внизу“ („Бездна“). Пер. Ю. Спасскаго. (Наложень арестъ). Цѣна 1 р. 25 коп.

Ж. К. Гюисмансъ. Собр. соч. Т. 2. „Въ пути“. Пер. Ю. Спасскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Ж. К. Гюисмансъ. Собр. соч. Т. 3. Парижскіе арабески. Пер. Ю. Спасскаго. Цѣна 1 р.

Н. Русовъ. Озеро. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Изданіе второе. Цѣна 1 р.

Н. Русовъ. Любовь возвращается. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Клюевъ. Сосень перезвонъ. Изд. 2. Ц. 60 к.

Просить исправить досадную опечатку въ девятой строкѣ 29 страницы. Въмѣсто слова „зачумленную“ слѣдуетъ читать „загуменною“.